

классической политической экономии, она превратилось в систему догм, которые формулировались очень узким кругом ученых, как гипотезы о будущем устройстве общества. Марксисты советского периода надстроили поверх весьма критической, но объективной, теории капиталистического способа производства К. Маркса и В.И. Ленина, непротиворечивую, позитивную теоретическую надстройку – «политэкономии социализма», которая скорее была романтическими ожиданиями, чем научной теорией, отражающую реальный экономический строй. При этом научный поиск новых принципов и форм производственных отношений, соответствующих уровню развития производительных сил был весьма затруднен, поскольку научное обоснование их объективной необходимости не могло быть признано ни научным сообществом, ни политической властью, ни государством, если не подтверждалось цитатами из трудов классиков марксизма. Диалектический метод стал неприменимым к анализу социалистических отношений, поскольку, вскрывая противоречия экономического развития, портил благостную картину «развитого социализма». Таким образом, объективное научное знание подвергалось идеологическому давлению и искажалось до уровня догматов новой религии. В научных кругах нарастало внутреннее неприятие новым догмам, которое распространялось и на объективные научные истины, открытые классиками марксистско-ленинской политической экономии. Диалектика могла бы послужить методологией критики догм экономической теории социализма, но уже не способна отразить всего многообразия современного мира, требуется более совершенная методология познания. Современная экономическая теория пошла другим путем: вместо того, чтобы пойти в глубь, к сущности производственных отношений и законов экономического развития, она пошла в ширь, изучая поведение индивидов в различных ситуациях, поведенческую экономику, отказавшись от предмета экономической науки – изучение объективных экономических законов.

К АНАЛИЗУ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

И. С. Салихова,

докт. экон. наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, налогообложения и таможенного дела Московского университета им. С. Ю. Витте, г. Москва

Анализ содержания и результатов современного социально-экономического развития позволяет констатировать, что в результате безудержной монетарно-плутократической экспансии человека (как естественной функции «рыночноцентрической» модели хозяйственной деятельности), неэкономические блага все чаще и больше принимают форму экономических благ (воздух, вода, свет, природные условия и др.), а традиционные редкие ресурсы становятся редчайшими, а некоторые попросту исчезают (например, невозпроизводимые элементы природного капитала и др.).

В связи с этим, в современном социуме (среди наиболее прогрессивной его части) все глубже и отчетливей осознается потребность в таких «новых» (хорошо забытых «старых») редких благах, как *экономическая духовность, экономический гуманизм, созидательный экономический менталитет, доверительные отношения, толерантность, креативная элита, производительные классы* и другие [8, 11, 12]. Очевидно, что вне рамок этих и других релевантных специфических ресурсов, характеризующих вполне определенный набор человеческих и социальных аксиологических, когнитивных, поведенческих и сугубо профессиональных свойств и качеств, далее выстраивать хозяйственную деятельность не просто сложно, но и опасно, ибо уже давно виден горизонт тотального разрушения не только среды обитания человека, но и самого человека как источника и носителя определенных ценностей и смыслов [14].

В свете данных умозаключений, резонно утверждать, что в современных условиях требуется *новая модель или форма социально-экономического развития*, которая «впитает» в себя не только перечень императивов и критическую значимость теоретико-методологических инноваций, но и содержательную характеристику качественного обновления собственно внутренней логики данного развития на своей, эндогенной основе с релевантным набором параметров и показателей [5]. В литературе есть различные названия и общие качественные оценки новой модели социально-экономического развития, но в любом случае, они существенно выходят за рамки действующей неоклассической, или «рыночноцентрической» исследовательской и научно-практической программы [2, 3]. При этом важно подчеркнуть, что гипотетически предполагаемая и вполне ожидаемая новая форма социально-экономического развития, при любом ее названии (антропоцентрическая, социодинамическая, синергетическая, гуманистическая, ноосферная и др.), она может и не быть всецело логическим следствием известного «лидирующего» развития.

Переход к гуманистической и/или ноосферной экономике есть функция, прежде всего, *новой экономической идеологии и экономической аксиологии, а не «прорывных» цифровых технологий и огромных масштабов воспроизводства*. Следовательно, переход к новой (назовем ее «ноосферной») модели социально-экономического развития вполне «по плечу» любой стране любого региона мира; вопрос лишь в том, сможет ли креативная элита данной страны осуществить генерацию релевантной идеологии, и будет ли способна политико-экономическая элита, в тесном союзе с производительными классами социума, трансформировать эту идеологию в хозяйственную практику. Очевидно, что ответ на эти и многие другие вопросы пока остается открытым, но дискурс должен быть продолжен, приобретая новые междисциплинарные очертания.

Четко фиксируется необходимость процесса гуманизации хозяйственных отношений, развивающихся от парадигмы «человека в экономике» - к концепции «экономики в человеке» [4]. Другими словами, исследовательская логика характеризуется «сдвигом парадигмы» от человека как средства хозяйственного развития – к человеку как условию и цели социально-экономической динамики, что (возможно, частично) выражается в концепции поведенческой экономики и экономической психологии [7]. Традиционное восхождение от концепции догоняющего развития к модели лидирующего развития, четко показанное в современной литературе и дополненное системным анализом релевантных способов координации различных акторов, по-прежнему остается важнейшим элементом общей «рабочей гипотезы» в рамках исследования векторных сил социально-экономического развития [9, 10].

Среди ключевых понятий, следует выделить феномен «социально-экономического развития», под которым резонно понимать динамику социума как функции развития экономики. Причем активным элементом в цепке социального и экономического (в общем концепте «социально-экономического»), безусловно, является «социальное», представленное множеством элементов-субъектов, начиная от личности (как «свернувшегося» общества) и домохозяйства и заканчивая производительными классами социума, а также различными элитами. Базисом в рассматриваемой цепке является *экономическая идеология*, воссоздаваемая элитами, которые, в свою очередь, руководствуются *ценностями и смыслами, составляющими ядро данной цивилизации*. Таким образом, векторный и ценностно-смысловой приоритет «социального», относительно «экономического» объективно обуславливает необходимость сдвига парадигмы монетарной плутократии, или «рыночного центризма» в сторону парадигмы «социального центризма», или в сторону гуманизации и социализации экономических отношений. О таком сдвиге парадигмы, с одновременной «перезагрузкой» ценностей и смыслов, уже немало сказано в релевантной литературе [6, 16].

Далее, методологический «центр тяжести», определяемый качественной целостностью действующих, прежде всего, формальных институтов, ожидаемо «смещается» в сторону *идеационного и аксиологического подхода* к проблематике современного социально-экономического развития. Здесь не только «институты имеют значение» (по Д. Норт), но также и, прежде всего, новые идеи, ценности, смыслы и, конечно же, интересы (хотя и не в первую очередь) [12, 15]. В соответствии с институциональным подходом, основанным на институциональной истории страны (стран) и/или региона (регионов), логику и содержание социально-экономического развития определяет именно качественная целостность действующих формальных и неформальных институтов. Как справедливо отмечают исследователи, если преобладают *экстрактивные институты* (институты, воссоздаваемые «сверху», в интересах правящей элиты и бюрократического класса), то социально-экономические системы утрачивают эндогенные стимулы не только к поступательному саморазвитию, но, возможно, и к позитивному развитию вообще. Интегральным результатом становится *догоняющая форма* (тенденция как форма) социально-экономического развития. Основным способом координации отношений здесь является властная вертикаль с гипертрофированной ролью государства (клетократии) в экономике при ограниченной конкуренции и слабым механизме рынка [9].

В том случае, если общая история и институциональная эволюция привели к формированию и воссозданию *инклюзивных институтов* (институтов, укорененных в систему эндогенных трансакций и возникающих в процессе и результате поиска и фиксации наиболее эффективных форм и способов хозяйственных и иных взаимодействий), то социально-экономические системы демонстрируют высокий уровень воспроизводственной устойчивости, расширенно воссоздают социальный и мотивационный капитал нации и/или региона. Инклюзивные институты действуют в интересах всех участников хозяйственной и соответствующей управленческой деятельности; эти институты, как правило минимизируют трансакционные и социальные издержки, укрепляют систему доверительных отношений, способствуют минимизации рисков, то есть являются основанием для становления рациональных ожиданий. Очевидно, что расширенное воссоздание инклюзивных институтов объективно невозможно вне рамок гражданского общества и реальных политико-экономических свобод каждой личности и социума в целом. Системным результатом функционирования хозяйства на основе инклюзивных институтов является *лидирующая форма* (тенденция как форма) социально-экономического развития. Основным способом координации отношений здесь является система конкурентно-конкордных отношений и свободного рынка при четко очерченной роли государства в экономике [1, 10].

Резонно не только предположить, но и констатировать, что в условиях растущей потребности в гуманизации хозяйственных отношений, а также необходимости формирования и развития достойной жизни домохозяйств, догоняющая и, особенно, лидирующая форма социально-экономического развития призваны трансформироваться в *созидательную форму* (тенденцию как форму) соответствующей динамики. Возможно, что эта форма также будет основана на инклюзивных институтах, но только заведомо и сознательно воссоздаваемых в формате духовной нравственности и реальной творчески-трудовой созидательности. Созидательную форму социально-экономического развития можно назвать *ноосферной, интеллектуальной экономикой, или экономикой гуманизма*. Очевидно, что такая система хозяйственных отношений пока рассматривается как «система проекта», но именно за этим теоретико-методологическим и научно-практическим концептом будущее. В противном случае, «вымывание» природного капитала, как функция «вымывания» созидательного смыслопроизводства, приведет к закату человеческой цивилизации уже в текущем столетии.

Список использованных источников

1. Автономов В. На какие свойства человека может опереться экономический либерализм? // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 5–25.
2. Бугалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–142.
3. Бугалин А., Колганов А. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики. 2004. № 3. С. 36–50.
4. Гребнев Л. От «человека в экономике» к «экономике в человеке» // Вопросы экономики. 2006. № 11. С. 46–59.
5. Дерябина М.А. Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 73–95.
6. Колесов Н.Д., Лоскутов В.И., Салихов Б.В. Собственность как экономическая категория, или о недостаточности дидактической единицы «собственность и хозяйствование» // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2003. Т. 6. № 2. С. 185–188.
7. Ольсевич Ю.Я. Психологические основы экономического поведения. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 413 с.
8. Петросян Д., Фаткина Н. Этические принципы в социально-экономической политике России // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 122–133.
9. Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 5–27.
10. Полтерович В.М. К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. 2018. № 12. С. 77–103.
11. Полтерович В. Толерантность, сотрудничество и экономический рост // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 33–50.
12. Родрик Д. Когда идеи важнее интересов: предпочтения, взгляды на мир и инновации в экономической политике // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 22–45.
13. Салихов Б.В. Креативный капитал в экономике знаний: Монография / Б.В.Салихов. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. – 274 с.
14. Сторчевой М. Новая модель человека для экономической науки // Вопросы экономики. 2011. № 4. С. 78–99.
15. Тамбовцев В.Л. Идеи и интересы, экономическая политика и институты // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 26–46.
16. Ясин Е.Г. Институциональные ограничения модернизации, или приживется ли демократия в России? // Вопросы экономики. 2011. № 11. С. 4–25.

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ НА ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

А. М. Сидорова,

канд. экон. наук, доцент кафедры аналитической экономики и эконометрики
Белорусского государственного университета, г. Минск

На современном этапе одной из важнейших вопросов развития большинства стран является планирование, изменение и внедрение эффективной институциональной среды. Поэтому первостепенную важность приобретает разработка концепции институционального планирования.

Институциональное планирование – создание гибкой стратегии и совокупность конкретных действий по внедрению определенного набора институтов или целенаправленное воздействие на существующие с целью повышения их эффективности. Институциональное планирование позволяет внедрить институты как методы достижения желаемых результатов.

Проблема институционального планирования заключается в том, чтобы найти механизм, который привел бы к таким желаемым результатам.

В общем смысле под институциональным планированием понимаем совокупность действий по формированию институтов, введению их в пространство хозяйственной системы, изменению, коррекции, заимствованию институтов (планирование изменения законодательства, новых правовых норм, организационных форм и их изменения) [1, с. 96–111].